

Содержание

1	
2	4
3	23
4	41
5	57
6	78
7	109
8	141
9	155
10	191
11	212
12	234
13	252
14	267
15	284
16	302
17	322
18	342
19	362
20	384
21	400
22	416
23	438
24	458
	475

Он не имел больше ничего, но эта сторона его нового существования не внушала ему ни малейшего трепета. Не волновал его и тот факт, что путь назад уже отрезан: при необходимости он больше не мог найти убежище в обеспеченности, обычной для его старой жизни. Он не забывал, что состояние его организма по-прежнему зависит от питательности еды и оберегающих свойств одежды, которые доступны ему, но все равно предпочел забыть о надобности иметь про запас и первое, и второе. Взамен не переставал держать в уме: где бы на Земле ни оказался человек, в его распоряжении обязательно будут шансы завладеть едой и одеждой, поскольку их в изобилии производят природа и цивилизация. В какой степени именно ему можно рассчитывать при потребности найти в ближайшее время новую еду и одежду, он не торопился оценивать. Шансы вполне могли быть нулевыми, что предопределило бы его смерть. Но он готов был принять любое развитие событий. К таким формам участия в делах мира, как быть живым или быть мертвым, он имел теперь одинаково ровное отношение. никоим образом не выделялось для него и ни одно возможное будущее свойство его существования — на случай, если он останется жив, — сколь ни велика будет угроза, что оно, это возможное свойство, принесет бессилие, боль, отступничество или саморазрушение.

Он стоял на крутом берегу неширокой извилистой реки вдали от людских поселений. Летний день, наступивший несколько часов назад, принес

с собой ясную, знойную погоду. Пространство было наполнено мощным жаром, который создавал эффект прямого физического гнета. Царило безветрие. Насыщенно-зеленая трава была неподвижна, будто влитая в абсолютно прозрачное стекло. Он не хотел долго оставаться на месте, считая лучшим вариантом пойти по берегу, пусть, выбрав путь через ближнюю рощу, он смог бы надежно укрыться от палящих лучей. Идти вдоль реки решил потому, что так можно было наверняка избежать хождения кругами. Ему было важно непрерывное обновление обстановки во время путешествия, поскольку обилие впечатлений помогло бы отгораживаться от образов прошлого. А они напоминали ему, от каких превосходных качеств жизни он посмел отказаться, решив сегодня, что никогда больше не вернется в свой дом, к людям, которые раньше окружали его, и к вещам, без которых он долго не смыслил своей жизни. Ему казалось, что новое, пока только оформляющееся мировосприятие имело все предпосылки выстроить в его сознании выверенную и правдивую систему взглядов, способную сделать по-настоящему ценным любое его последующее начинание — в противовес начинаниям предыдущим. Он приходил к выводу, что ему вообще нечего вынести из своего путаного и несуразного прошлого: его поступки и высказывания были основаны на поверхностных привязанностях, стереотипах, заблуждениях и прихотях, и ему становилось стыдно уже за сотую их часть. Сейчас он чувствовал, как его ум приобретает удивительную восприимчивость к универсальным идеям и замыс-

лам, готов был целиком заменить их реальностью ту реальность, которая раньше служила основанием для его жизненных ориентиров.

Но даже в таком диком месте он увидел объект, напомнивший о прежде любимых им удобствах обеспеченной жизни.

Впереди, около берега реки, стоял внедорожник. Было очевидно, что водителю пришлось преодолеть значительное расстояние по едва проходимой местности: ближайшая пристойная дорога была отсюда неблизко, а сама округа изобиловала холмами и оврагами. Он посчитал, что появление тут внедорожника связано с чьим-то желанием временно спрятаться самому или спрятать здесь какую-нибудь ценность. Его охватила досада из-за невозможности воспользоваться сейчас своим автомобилем. Он запретил себе огорчаться по этому поводу: для себя нового считал неприемлемым искать убежища в чувстве защищенности, которому обладание машиной благоволило. Решив избегать этого чувства, он должен был не бояться и встречи с людьми, которые приехали сюда на внедорожнике. Но рядом с автомобилем никого не было, а определить, был ли кто внутри, мешали тонированные стекла.

Лишь через пару минут со стороны рощи донеслись голоса, они постепенно становились громче. По всей видимости, люди возвращались к машине.

Все-таки он решил спрятаться от незнакомцев за ближайшим рядом деревьев, не желая отвлекать их от разговора, который заинтересовал его после нескольких подслушанных реплик.

Меньше чем через минуту он увидел сквозь листву двух мужчин. Они шли к берегу. Один был молод, 25 или немного старше, второй выглядел на 60. Подумалось, что это отец и сын. Оба отличались плотным телосложением. Но если старшему это помогало выглядеть более статным, то в младшем полнота подчеркивала небрежность и расхлябанность. Взаимопонимание между ними не улавливалось ни на грамм. У обоих были претензии друг к другу, пусть и высказанные миролюбиво: ими явно владело праздное расположение духа. Это наводило на мысль, что они приехали сюда все-таки с целью отдохнуть. У этих людей, если судить по внешнему виду, были средства на роскошный отдых. Скорее всего, при доступности элитарных развлечений простой выезд на природу попадал для них в разряд исключительных мероприятий. Он, наблюдая из-за деревьев, не думал, что сильно покривит против истины, если станет судить о незнакомцах по людям сходного с ними типажа и социального положения, которых ему самому доводилось встречать прежде. Старшего из мужчин он уже мысленно нарек циничным напористым дельцом, младшего — самолюбленным беспринципным прожигателем денег. В любой другой ситуации такие люди не показались бы ему интересными. Но содержание разговора увлекало его. Он вдумывался в каждое их слово, в каждую интонацию, чтобы лучше уяснить нюансы возникшего между ними противоречия.

Старший: Ты просто зря тратишь свое время. Есть столько знаний, без которых ты не сможешь

вести дела, и, если не станешь именно сейчас активнее вкладывать их в свой ум, потом тебя ждет много разочарований.

Младший: О чем ты говоришь, папа? Ты думаешь, не существует иного способа поддерживать наше благосостояние, кроме твоего скрупулезного ведения дел? Ты просто не умеешь иначе, потому что таким способом поднял компанию — и за это достоин огромного уважения. Но чтобы продолжать, достаточно нанять команду грамотных людей, а самому принимать только стратегические решения, и не более того.

С.: С таким подходом ты только увеличишь процент нахлебников и мздоимцев в руководстве фирмы. И даже не заметишь, что все больше средств компании тратится непонятно на что, поскольку не будешь контролировать всех процессов.

М.: Ты действительно не можешь доверять никому больше, кроме меня?

С.: Я и тебе не доверяю. Но в отношении тебя у меня хотя бы есть основание рассчитывать, что поддержание благосостояния фирмы станет со временем для тебя вопросом семейного престижа. Кто угодно другой, придя однажды в руководство компании, может и намеренно навредить ей, если это вдруг окажется выгодно ему.

М.: Тебе просто жаль плодов деятельности, которой ты отдал свою жизнь. Я тебя понимаю. Архитектор тоже будет беспокоиться за результат своего многолетнего труда, какое-нибудь монументальное здание, если будет знать, что без должного обслуживания его выдающееся творение придет в негодность уже через пару десятков лет. Но мир бизнеса ведь не таков. Успешные компании — это не произведения искусства. Они существуют, чтобы объединять людей для достижения какого-то результата, заметного обществу здесь и сейчас. Что-то случится, вкусы людей и веяния рынка изменятся, и взамен старым компаниям придут новые, и это будет правильно, потому что они сразу будут созданы на новых принципах, соответствующих своему времени.

С.: Что мешает тебе адаптировать нашу компанию под требования времени, которые появятся через 5, 10, 20 лет?

М.: Я не вижу в этом своего призвания.

С.: Это странно: столько людей мечтали бы оказаться на твоём месте, а ты таким капризным тоном заявляешь, что это не твоё призвание. Но видишь своё призвание в деле, в котором абсолютно неспособен преуспеть.

М.: Я просил тебя не говорить так. У меня есть все задатки, чтобы преуспеть в этом деле.

С.: Уверен? Ты уже буквально тычешь своими работами в лицо публике, но все равно не получаешь хоть сколько-нибудь содержательных отзывов. Я даже ни одного внятного отрицательного отзыва пока не слышал.

М.: Дело времени. Однажды мое имя окажется у всех на слуху. Достаточно лишь одной работы, которая сумеет крепко въестся в умы людей и создаст мне имидж. Публика станет ждать каждую мою новую работу. Рано или поздно я напишу такую картину. Надо только продолжать, не опускать руки.

С.: Хотел бы я, чтобы у тебя наконец опустились руки и ты начал искать отдушину в чем-то. Только бы не в вине и играх. Есть много других вариантов: автомобили, женщины, яхты. У тебя все это легко может быть. А потом, нагулявшись, занялся бы уже наконец серьезными вещами. Пойми, все это очень странно выглядит. Ты выставляешь свои аляповатые полотна. Люди понимают, что ты просто проплачиваешь эти выставки, ты не талант, которого в один прекрасный момент разглядели знатоки и чьей карьере стали помогать. Все думают, что тебе важен сам факт — проводить свои выставки, что тебе все равно, какими будут картины, лишь бы выставиться. Любой может решить, что какая-нибудь твоя картина — всего лишь воплощение пустячной мысли, мелькнувшей утром в голове, а после обеда перенесенной на холст. Например, картина с огнем — олицетворение мимолетной мысли о готовке на гриле. Уверяю, если кто и вдумывается

в твоё творчество, он понимает его именно так превратно.

М.: Ты просто пытаешься демотивировать меня. Но я всё равно буду продолжать. Говорю тебе: одна картина может изменить всё. Я добьюсь своего банальным методом перебора. У меня остаётся ещё огромное множество тем для картин. Какая-нибудь из моих работ обязательно станет интересной миллионам. Мне не на что жаловаться. Я нахожусь в привилегированном положении благодаря тебе, и поэтому сколько угодно готов терпеть твоё скептическое отношение к плодам моего ремесла. Знаешь, что представляет собой совокупность творений мирового искусства? Это результат проявления огромного числа случайностей. Человеку, которому дано что-то создавать, нужно ещё, чтобы его талант развивался в правильной обстановке, чтобы он с молодых лет воспринял максимально полезные влияния, чтобы ему повстречался кто-то, готовый поддержать его карьеру. Иногда я задумываюсь: каким могло бы быть мировое культурное наследие, если бы каждый человек со способностями в том или ином виде искусства смог максимально в нём реализоваться. Насколько больше мы имели бы тогда гениальных книг, полотен, музыкальных произведений! Быть может, шедеврами мы считали бы сейчас другие творения, намного более совершенные, чем те, которые считаем таковыми сейчас. Ведь теоретически могло быть создано что-то ещё более выдающееся — но не создано по самым банальным причинам. К примеру, потенциальный творец

родился в простой семье, да еще когда не все имели доступ к образованию. А у меня есть не просто возможность оставить свой след в истории искусства — у меня есть масса попыток сделать это.

С.: Ты не учитываешь один очень важный аспект. Человечество может наращивать культурные ценности лишь до какого-то предела. Причем как качественно, так и количественно. В каждом поколении были непризнанные гении, и если большее число людей могло бы творить, в истории осталось бы больше непризнанных гениев. Может, какие-то их произведения и стали бы известны и популярны с течением времени. Да, признанных шедевров стало бы больше, но лишь слегка, и одновременно каким-то другим шедеврам стали бы уделять меньше внимания. Понимаешь, всеобщая человеческая память не безгранична, как и память отдельного человека. Ты знаешь ограниченное число писателей и не намного большее их число будешь знать к концу своей жизни. Все люди мира помнят, конечно, намного большее их число. Но оставит ли след в истории пишущий на языке малочисленного народа? Думаю, нет. Человечество может иметь лишь ограниченное число признанных творцов. Совокупность книг, в моменте читаемых населением мира, никогда не будет больше некоего максимума. Увидим мы лучшие, чем есть, шедевры, если каждый творец получит все возможности заниматься своим ремеслом? У меня сомнения на этот счет. Шедеврами становятся произведения, на которые есть запрос в обществе. Будь у всех творцов полная свобода развивать-

ся, каждое из направлений искусства пополнилось бы более совершенными работами, но феноменального качественного скачка мы все равно не увидели бы. Проводя аналогию с математикой, скажу: поскольку у широких масс нет запроса на исследование проблемы Гольдбаха, обывателю не известна ни одна книга на эту тему.

М.: Вот не соглашусь я с твоими рассуждениями. Если бы человечество знало больше гениев, чтение было бы более престижным и продуктивным занятием. Количество книг, суммарно читаемых людьми, стало бы больше. Я знал бы большее число писателей, поскольку большее их число было бы на слуху. Я узнавал бы о них из разговоров с приятелями, которые и говорили бы больше о книгах, будь чтение в большем почете.

С.: Уж очень ты сильно идеализируешь. Какова еще причина того, что человечество ограничено в создании культурных ценностей? Очевидно, что большинство людей имеют потребность постичь лишь конечное число истин. К примеру, в чем заключается смысл жизни, как отличить добро от зла, является ли все происходящее предопределенным заранее — и все такое прочее из того же ряда. Лишь небольшое число людей волнуют вопросы в духе: почему плавные формы предметов нравятся нам больше, нежели угловатые, или почему нас привлекает дешевый юмор. То же самое относится и к готовности воспринимать шедевры искусства — далеко не все из них спо-

собны пройти проверку на актуальность. Я понимаю, какая мысль поддерживает тебя, когда ты думаешь о возможности добиться успеха в изобразительном искусстве. Вот ты думаешь: сколько разных художественных работ, которые не требовали от создателя большого мастерства, все же запомнились публике, стали популярными: квадрат черного цвета, однообразные банки с супом. Но дело в том, что люди вдруг почувствовали интерес к таким работам потому, что последние открывали что-то в них самих ранее неосознаваемое. Люди думают: меня что-то трогает в том, что кто-то изображает на полотне просто геометрическую фигуру. Такое откровение о самих себе, безусловно, откладывается в памяти, и символом этого откровения навсегда останется произведение, которое к нему подвело. Тут для пояснения сгодится самый простой пример: это как первая любовь. Когда в человеке впервые раскрывается любовь к другому человеку, для него это новое чувство становится откровением о самом себе: он никогда не забудет этого момента, как не забудет и человека, который у него это чувство вызвал, пусть, может, никогда больше его не увидит. А ты действительно можешь создать что-то, что поможет людям открыть что-то новое в себе?

М.: Почему ты не говорил мне об этом раньше? Теперь понятно, к чему именно я должен стремиться, чтобы обрести успех. Придумать что-то, что заставит людей открыть нечто в самих себе? Да, это отличная идея!

С.: Ты неисправим. Кажется, даже не слышишь себя. Ты действительно думаешь, что такая задача посильна такому обычному человеку, как ты? Тебе пора прекратить тратить свое время на невыполнимые задачи.

М.: Нет, мне надо продолжать. Недельку я потрачу на обдумывание твоих слов, потом за три-четыре месяца намалую энное количество полотен по мотивам твоей подсказки, затем можно будет устроить еще одну выставку. Наконец-то мной по-настоящему заинтересуются.

С.: Через два дня у нас переговоры с иностранными аутстафферами. Я считаю, ты должен принять в них участие — вместо того чтобы заниматься бесплодными идеями. Ты должен приобщаться к настоящей деловой атмосфере и бросать это твое творческое сумасбродство.

М.: Ты же не собираешься ставить передо мной ультиматумы?

С.: Я думаю, что пора. Давай условимся о следующем. Я не буду трогать тебя до следующей выставки. Осознавай, придумывай, твори, сколько тебе вздумается. Но по результатам самой выставки нам надо будет решить, стоит ли тебе дальше серьезно к этому относиться. Решим по отзывам критиков. Если хотя бы четверо живо отреагируют на твои работы — так и быть, продолжай творить. Но если снова я увижу